

ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АЛХИМИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ¹

Интерпретацией алхимических текстов я занималась в рамках подготовки диссертации «Герметизм эпохи Возрождения – историко-философское явление. Философская интерпретация алхимических символов и текстов XVI-XVII вв.» на кафедре истории философии философского факультета СПбГУ.

Для подготовки диссертации я решила сама перевести с английского языка (не с латыни) несколько алхимических текстов, чтобы вникнуть в тему лично, а не использовать какие-либо переводы или пересказы. Мной было переведено семь алхимических текстов, что было не сложно. Трудности начались потом, когда я перешла к их интерпретации. Пришлось отложить тексты и начать собирать материал из окружающего научного философского мира об алхимии. В процессе этой работы мир алхимии стал расширяться: открывались иные взгляды, методики, отношения, практики. Но все это, с точки зрения моего внутреннего чувства, было не то, что на самом деле присуще алхимии. Тогда пришлось вернуться к переведенным мной текстам. В их числе были «157 Алхимических канонов» Франциска Меркурия Ван Гельмонта и его «153 Алхимических афоризма». Также я перевела одну из статей из «Алхимического лексикона» Мартина Руланда, «Алхимическую мессу» Мельхиора Цибиненского и ряд других текстов.

Время шло, все казалось ясным, но не было толчка, который бы помог раскрыть тему, помочь найти структуру для опоры. И тогда со мной произошел интересный случай. Я сидела в Библиотеке Академии наук, перебирала свои переводы, просматривала, сличала их между собой, анализировала. Анализ материалов я проводила то по текстам об использовании ртути, то по текстам об использовании серы, но все это не давало простора для мысли, сковывало.

Когда отчаяние и даже паника подступили ко мне вплотную, в свете стоящей на столе зеленой лампы я увидела (это то, что называется «*видением*») сидящего за столом Франциска Меркурия ван Гельмонта, просматривающего свои пронумерованные «Каноны». Потом, немного поразмыслив, он взял ножницы и разрезал рукопись на 157 частей, соответствующих числу «Канонов», после чего встал от письменного стола и бросил всю эту кипу бумаги на расстеленный посреди кабинета ковер. Затем он вызвал колокольчиком служанку и распорядился относительно варки полстакана клейстера, с тем, чтобы после передачи указаний хозяина на кухне, она вернулась бы в кабинет и собрала в подол передника все разбросанные на полу бумаги.

Вернувшись, девица со смешным кряхтением уселась на ковер и долго собирала бумажки, то и дело сокрушенно справляясь: «А может, их все-таки сложить по порядку?»

Когда все «Каноны» были собраны, Гельмонт велел служанке встать рядом с креслом и оттопырить край передника, чтобы ему было удобнее доставать оттуда листочки один за другим. К этому времени и клейстер подоспел. Франц Меркурий брал наугад вытащенные бумажки и приклеивал их на чистые листы по новому порядку. Когда все они заняли свои места, он, пронумеровав страницы, справа и слева, отрезал ту их часть, где были проставлены первоначальные номера, и спрятал эти части к себе в стол под замок, а остальное велел отнести переписчику.

В 1687 г. текст «Канонов» был издан в Амстердаме на латыни, а в 1688 г. в

¹ Клещевич Ольга Витальевна – аспирантка кафедры истории философии философского факультета СПбГУ, независимый исследователь. Текст расшифрован Л. Нефедовой с устного выступления, состоявшегося 12.04.2012 в рамках тридцать второго семинара Центра по изучению эзотеризма и мистицизма при РХГА, отредактирован С. В. Пахомовым и размещен на сайте ЦИЭМ с согласия автора.

Лондоне был издан его английский перевод.

Признаюсь, сначала я не могла понять смысл этого сообщения. Лишь через несколько дней я поняла, что кто-то мне подсказал, а, возможно, я сама пришла к тому, что не нужно искать последовательного изложения в алхимии. Последовательности нет, есть лишь намеренная случайность. И я поняла, что с имеющимся у меня разрозненным хаосом можно работать: его просто нужно собрать в новом порядке. Не зная того, что содержит этот хаос, я должна была выявить стоящие перед исследованием вопросы: с чем работает алхимия, что является агентом (что производит работу в алхимическом котле), кто это делает (что это такое) и к чему это все приведет (цель, этапы). Таким стал после этого случая мой первоначальный план.

Но сначала я решила разобраться в том, что такое алхимический трактат. Для этого я обратилась к поэтике, науке о художественном слове, и о произведениях, написанных художественным языком. Исследователи, занимающихся этой областью знаний, относят литературные произведения, созданные в историческом периоде VII–VI вв. до н. э. до XVIII в. н. э., к эйдетическому этапу развития литературы, когда форма и образ были слиты и неразрывны.

Подобный текст характеризуется риторичностью, каноничностью, традиционностью, когда самое главное – не открыть что-то новое, а проследить уже существующую, сформировавшуюся традицию и подстроиться под нее. Произведения, относящиеся в эйдетическому этапу, существуют в виде игры по заданным правилам: правила заданы и следует их придерживаться. И алхимический трактат, как герметическое произведение, полностью вписывается в эту трактовку.

Цель автора алхимического трактата двояка: во-первых, подтвердить свой статус исследователя, человека, который понимает, о чем идет речь, во-вторых, написать учебник для неопитов. И в этих направлениях он мыслит и творит.

Какого читателя представляет себе автор? К кому он обращается? К двум ипостасям читателя: с одной стороны, это эксперт, который действительно может подтвердить знания и понимание автора, его принадлежность к алхимической среде, с другой стороны, это неопит, который старается проникнуть в эту структуру.

Такая позиция, такое отношение мастера к читателю очень хорошо прослеживается в преамбуле к «153 Алхимическим афоризмам» Франциска Меркурия Ван Гельмонта, которую, как я полагаю, написал сам автор: «Принципиальная позиция этого автора заключается в том, чтобы не столько выявить или изложить свои собственные изобретения, сколько привести в порядок ценные высказывания других, что он охотно и представляет на рассмотрение суда и оценки тех, кто более продвинулся в искусстве, чем он сам. Но, хотя я знаю, что именно это является целью опыта автора, тем не менее, я тороплюсь скорее передать эту небольшую работу вам в несовершенном виде, чтобы вы взвесили ее и способствовали ее печати, потому что, возможно, более продвинутые сыновья Искусства захотят помочь этой маленькой работе; а она, в свою очередь, прольет свет для тех, кто ошибается и блуждает в темноте»².

Вернемся к читателю, адресату. Алхимические трактаты требуют большого духовного опыта понимания и глубокой ментальной работы. Пройдя через этот опыт, читатель-неопит действительно становится истинным адресатом, тем человеком, к которому автор алхимических трактатов и обращался.

Обратимся к жанру алхимического трактата. Он представляет собой нечто вроде

² One hundred fifty three chymical aphorisms briefly containing whatsoever belongs to the chymical science / done by the labour and study of Eremita Suburbanus, printed in Latin at Amsterdam, Octob. 1687; to which are added some other phylosophic canons or rules pertaining to the hermetick science; made English and published y Chr. Packe; Helmont, Franciscus Mercurius van, 1614-1699., Packe, Christopher, fl. 1670-1711., Helmont, Jean Baptiste van, 1577-1644. London: Printed for the author and are to be sold by W. Cooper and D. Newman, 1688.

научного отчета. Превалирует информационная функция. При этом никакого определенного жанрового канона не существует. Алхимический трактат предстает в разнообразных формах. Это не только привычные для нас формы трактата, как у Парацельса или Василия Валентина, но самые разнообразные жанры, как например, диалоги «знатока» и «неофита» («Катехизис» Псевдо-Парацельса), цитируемые мной выше сборники «Афоризмов» Ван Гельмонта, словари. Очень интересен «Алхимический лексикон» Мартина Руланда-младшего, а также описание «алхимических ритуалов» («Алхимическая месса» Мельхиора Цибиненского), конспекты трактатов предыдущих выдающихся авторов («Выписки, сделанные Лацинием из произведений Арнольда де-Вила-Нова, в которых состав нашего камня изложен практически и четко»), изложение правил, или «канонов» («157 алхимических канонов Ф. М. Ван Гельмонта») и многое другое, включая письма без адреса.

Несмотря на такой калейдоскоп жанров, мы всегда чувствуем, что это алхимический трактат, интуитивно ощущая какие-то общие направления, задачи, способы изложения, которые их выделяют. И если говорить о внутреннем тождестве, которое всегда определяет алхимический трактат, то здесь множество моментов, основные из которых – это, во-первых, функциональный стиль, родственный научному, во-вторых, «рецептурность», о которой много говорил В. Л. Рабинович. Лично меня слово «рецептурность» всегда коробила, казалась натянутым моментом, поскольку не всегда материал излагается как рецепт. Если посмотреть перевод с латыни слова «рецепт», то оно означает «обязательство» или «гарантию». И тогда получается, что в алхимическом трактате дается рецепт, и это есть гарантия того, что прочитав его, мы найдем философский камень, сразу станем алхимиками. Однако, здесь присутствует, и это – очевидно, троп «ирония», он переворачивает наизнанку смысл «обязательства» и «гарантии», в стиле «веселой науки». Никакого рецепта: такой замысловатый текст не может содержать обязательства.

Александр Койре считал, что это происходило оттого, что автор Средних веков и эпохи Возрождения жил как бы в мире приблизительности. Он писал, что «не термометра алхимику не доставало», а понимания того, что это все может быть измерено термометром, весами или еще чем-то³.

Так ли это на самом деле? Тем ли занимались настоящие алхимики, что подлежит конкретному измерению? Думаю, что нет.

Еще, как одну из позиций этого общего алхимического тождества, я бы хотела отметить *воображение*. Об алхимическом воображении писали много. К этому пристально присматривался Карл Густав Юнг, который вывел свою интересную теорию «активного воображения». Он писал, что химическая работа никогда не была свободна от бессознательного содержания того, кто проводит эту работу. И он видел этот процесс как активное воображение⁴. Но активное воображение – это то, что сейчас принято называть визуализацией, когда человеку предлагают что-то представить, когда его ставят в рамки конкретного представления. Это есть развернутая медитация с заданными правилами, когда человек должен посмотреть что-то конкретное, и то, как это конкретное будет затем внутри развиваться.

Вслед за Беннетом, учеником Юнга, написавшим книгу «Что на самом деле сказал Юнг», я склонна думать, что Юнга в большей степени интересовали не алхимики, а своя собственная аналитическая работа, что алхимию он использовал как наглядное пособие для объяснения своих теорий. Юнга беспокоило, что посредник, который выступает в алхимии, находится вне человеческого существа. Юнг никак не мог понять, где находится посредник, что он из себя представляет. А с другой стороны, Юнгу казалось или представлялось, что если посредника алхимических действий

³ Койре А. Очерки истории философской мысли. О влиянии философских концепций на развитие научных теорий. М.: Эдиториал УРСС, 2004. С. 115.

⁴ Юнг. К. Г. Психология и алхимия. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. С. 351–352.

вывести вовне, то внутри человек остается фрагментарным и несобранным. И это его беспокоило. И поэтому все, что Юнг читал об агенте алхимического опуса, он отправлял вовнутрь, в бессознательное. Ему казалось, что так будет легче понять, легче обосновать, легче интерпретировать. Поэтому Юнг и объяснял алхимическое воображение как активную визуализацию, когда мы внутри себя что-то себе представляем. Мы берем одно, другое, что-то из этого получается, наделяем это мифическими свойствами и продолжаем с этим работать.

Однако если взять традиционное, идущее из античности понимание воображения, то мы увидим, что, как писал А. Ф. Лосев, новоевропейского человека всегда смущало то, как воспринимали античные авторы воображение⁵. Его смущала пассивность воображения (у Юнга оно активно), пассивность внутренней восприимчивости и желания увидеть, что происходит вокруг.

Просматривая других авторов, писавших о воображении, я обнаружила, что А. Г. Дугин также обращался к этой теме⁶. Он ссылается на Жильбера Дюрана и на его понятие «траект», т.е. на то, что находится между объектом и субъектом. Это некое поле. И Дюран полагал, что это поле состоит из таких вещей, как воображение, состоящее из: присущей человеку способности; из того, что в это время воображается; из того, кто воображает; и из самого процесса в целом. Если объект – это что-то одно, субъект – другое, то траект – это «брошенное между ними». Дугин отмечает, что это – визуальная карта, одновременное осознание человека внутреннего и внешнего. Соответственно, если рассмотреть с этой точки зрения ситуацию с воображением, мы понимаем, что если это активно разрабатывать, возвращать его в себе, то повысятся и наши способности, в том числе и способности к адаптации. А это очень важно и очень интересно.

С моей точки зрения, алхимическое воображение – это и есть способ проникновения в область траекта, в мир воображения, в мышление образами, как называл это Дугин. А можно назвать – «восприятием образов». И таким образом, получается, что алхимик или человек, который находясь в состоянии алхимического воображения, проникает в область, где существуют эйдосы (область, которая находится за действительностью), и воспринимает их, как воспринимает и то, что для обыденной жизни является невидимым.

В результате мы получаем саму способность созерцать, самого созерцателя, то, что созерцается и процесс созерцания, т.е. - все эти процессы одновременно.

Сами алхимики очень хорошо понимали этот процесс и отдельно писали о нем. Например, в трактате «De Microcosmo» Василий Валентин пишет: «Так здесь через посредство первых двух *элементов* проявлены были *материя* и *форма*, а их *mobilitatem* или движение – через два последних *элемента*, также сотворены были при помощи Света, как ранее еще не были проявлены ни совершенство большого мира, ни плодоносность. Затем Создателем было отпущено дальнейшее размножение семян Земли – как плодам или животным, так как Бог дал Земле *imagination* или представление всех видов семян, каждому рождаться по его виду. Итак, Земля оплодотворилась через это представление, данное от БОГА». И несколько далее: «Можно справедливо назвать Меркурий или Дух невидимым корпусом человека: форма и материя – земны, жизнь пребывает в движении, а познание всего разума о благе и зле состоит в тщательном умозрении и воображении микрокосмоса, что находим выше этих трех составных»⁷.

Очень интересны замечания Веллинга по поводу воображения: «Наше воображение души тут же отличает одни идеи от других, как в духовных, так и в физических вещах, хотя отсутствующая вещь, лишь только мы о ней слышали, является

⁵ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Последние века. М.: Искусство, 1988. С. 262.

⁶ Дугин А. Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. С. 85.

⁷ Василий Валентин. Алхимические трактаты. Киев, 2008. С. 122.

совершенной и непоколебимой до такой степени, что мы в нее верим»⁸. Здесь идет речь о том, что различение и понимание вещей обязательно происходит в состоянии уверенности, когда все, что видящему показывает воображение, должно обязательно происходить в режиме полного убеждения.

Об имеющем место целокупном восприятии действительности Василий Валентин пишет: «Вещи должны быть рассмотрены особо, но не по частям. Всеобщее происходит из всеобщего; все частное единично и конечно».⁹

Познание у алхимиков происходит через созерцание образов адептом, который находится в состоянии воображения. Вот цитаты из «Новой драгоценной жемчужины Ломбарда Феррарского: «Приди и виждь», «Буква сама по себе не пользует, но Дух сверхнебесной Премудрости роговидно является, научает, указывает, животворит, озаряет, объясняет, толкует и раскрывает смысл прочитанного»¹⁰.

Перед нами стоит задача увидеть, как же это происходит. Тексты содержат в себе примеры, способы, каким образом попасть в сферу траекта. И мы действительно видим, что намерения авторов создают для читателя траекторию попадания в эту сферу.

Во-первых, нужно обратить внимание на то, что существует множество восприятий текстов. Одних тексты сразу же отталкивают. Других же тексты привлекают, притягивают некоторыми, как мне кажется, нейролингвистическими ключами, расставленными внутри текстов. И расставлены ключи не хаотично, а с умыслом. Эти умыслы и нужно разгадать: для чего они стоят в определенном порядке? Иногда читателю, прочитавшему часть текста, кажется, что он уже начал прозревать, но наш ум так устроен, что как только мы начинаем чувствовать уверенность в том, что понимаем написанное, мы сбиваемся и начинаем не созерцать, не воспринимать, а понимать. И для того, чтобы прекратить этот процесс, в тексте поставлены «откатные молы», которые возвращают человека обратно и заставляют его воспринимать, а не понимать. Потому что для привычного для нас способа рационального постижения информации там не существует.

И каждый видит свое. Кто-то видит тарабарщину и отходит от желания постичь текст. Некоторые видят текст как пособие по получению золота и тем самым увлекаются химией. Иные считают, что текст говорит о превращении чего-то одного во что-то другое. Взглядов огромное количество. Но мы попытаемся через воображение проникнуть внутрь того, что на самом деле написано в текстах.

Алхимические трактаты написаны «языком птиц», «зеленым языком», «языком богов». Если почитать «Философские обители» Фулканелли, то мы увидим, что он делает упор на «фонетическую каббалу», как он ее называет. Я думаю, что это один из отвлекающих маневров, и что там не столько замешана каббала, сколько что-то другое.

Очень интересно об этом написал В. Ю. Быстров, обратив наше внимание на то, что «язык птиц» на самом деле является языком символов¹¹. И это самое главное. Т. е. не столько фонетическая каббала, не перестановка слов и слогов, а язык символов. Чтобы постигнуть эти символы, предупреждал Дугин, нужно очень долго обучаться искусству умозрения. А как уже говорилось, это умозрение, это восприятие образов тождественно воображению алхимиков.

При работе с символами нужно помнить следующее: язык алхимии очень строг и не допускает разночтений, существует жесткая иерархическая лестница, и на каждом уровне этой лестницы одни и те же самые слова могут означать совершенно разные вещи, к тому же они между собой все взаимосвязаны, это есть подвижное в подвижном. Некоторые исследователи (например, Г. Бутузов), говоря об этом, считают, что

⁸ Веллинг Г. фон. *Opus Mago-Cabbaliticum et Theosophicum*. Киев: Пор-Рояль, 2005. С. 210.

⁹ Василий Валентин. *Алхимические трактаты*. Киев, 2008. С. 122.

¹⁰ *Иже К д'*. Новое собрание химических философов. М.: Энигма, 2010. С. 96.

¹¹ Быстров В. Ю. Введение в новую орнитологию // *Язык птиц*. Гресе д'Орсе: тайная история Европы. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. С. 10.

принципиально невозможно вскрыть эту, образно выражаясь, «консервную банку».

Но если это языковая система, то в ней существуют правила, которые относятся к внутренним и внешним законам. И идя от внешних уровней, можно попытаться войти внутрь. Именно эта двойственность, когда система имеет два порядка, и дает возможность это сделать.

Несколько слов о символизме языка. Символ – это мнемоническая свернутая программа знаков, сюжетов, которая хранилась и передавалась сначала устно, а потом письменно. Само слово «символ» происходит от греческого глагола «сьюмбалло», что означает «сталкиваю вместе», «сочетаю вместе», т. е. сталкиваются формы и содержания, и происходит их диалектическое взаимодействие. Таким образом, мы получаем возможность расшифровывать одни символы через другие, т. е. то, что закрыто, можно вскрыть через то, что находится в открытом состоянии.

Для работы с этим К. А. Свасьян, например, предлагает то, что называют суррогатом символов – символические формы, такие как знак, метафора, образ, аллегория, сопоставление и др., всего 12 форм¹².

Я выбрала наиболее наглядные из всех форм, наиболее способствующие осознанию того, как все в алхимических трактатах происходит. Это метонимические и метафорические тропы, аллегория и топосы. И я убеждена, что эти символические формы и есть те нейролингвистические ключи, которыми включается воображение у читателя алхимического трактата. И они конструируют собой понятийные откаты, источники откатных волн, когда читателя возвращают обратно, внутрь текста.

Начнем с метонимических тропов. Это сходство предметов, основанное на смежности между предметами, на каких-то отношениях, может быть и очень далеких. Смежность может быть предметной, количественной, пространственной, временной. Я полагаю, что в алхимических трактатах к ним относятся названия металлов, минералов и богов римского пантеона. На мой взгляд, классический пример метонимического тропа присутствует в «Войне рыцарей» Йоганна Штернгальса. В этом трактате говорится о судебной тяжбе между Солнцем-Золотом и Железом. Каждый из них просит судью Меркурия вынести приговор противнику, поскольку Солнце считает, что Железо много на себя берет, а Железо считает, что этим занимается Солнце. И Солнце свою обвинительную речь начинает с перечисления того, что относится к Железу, при этом он все объединяет в одну кучу – все смежности, все сближения. Солнце называет Железо убийцей, потому что железом палач казнит преступника, с мечем в руках ведутся войны, косится трава, и т. д., перечисляет все возможные варианты использования железа в жизни человека. С другой стороны, говоря о войне, он подводит слушателя к ассоциации с богом войны Марсом. Такое смешение делается для того, чтобы поднять нас над суетой, чтобы мы абстрагировались от суда, тяжбы, чтобы поднялись и посмотрели на ситуацию сверху. Вот таким образом используются в алхимических трактатах метонимические тропы.

Метафора. Она может быть полной (полным сравнением), чистой и может иметь переходные формы. Полное сравнение включает в себя: то, что сравнивается (субъект); то, с чем сравнивается (объект); и сравнительную частицу: «как», «согласно», «как будто», «подобно». При анализе алхимических текстов я обнаружила, что сравнение с использованием «подобно» встречается не часто, а обычно в трактатах используется чистая метафора, когда присутствует объект сравнения, а субъект отсутствует. Это делает текст загадочным, непонятным, волнующим и привлекательным.

Вот пример из Василия Валентина: «Своей силой и мощью он (фермент - О.К.) соединяет и снова же делает себе подобного, так как подобное рождает подобное»¹³. Этот момент как бы подвешивает читателя над бездной, лишая его точки опоры и

¹² Свасьян К. А. Проблема символа в современной философии. (Критика и анализ). М.: Академический проект, Альма матер, 2010. С. 103.

¹³ Василий Валентин. Алхимические трактаты. С. 98.

демонстрируя возможность однородности мира, в том случае, если субъект ни на что не опирается. Т. е. происходит выбивание человека из поля обычного восприятия.

Или вот другой пример, который, наоборот, вталкивает читателя вовнутрь процесса, где необходимо «увидеть» то, что происходит – или, скорее, не происходит, остановилось, но должно происходить. Предполагается вопрос: действительно ли читатель «видит» описываемое действие? Василий Валентин пишет: «Ибо без ферментации при помощи золота Камень не может действовать, или его тинктура не может проявляться посредством сублимации, но когда он смешан...». Если это все себе представить, то созерцаемое действие начинает постепенно затягивать. Далее: «...или ферментирован с себе подобным, тогда тинктура обретает движение для действия в другом металле»¹⁴. А мы где находились? Нас развернули и отправили обратно. Такие приемы используются постоянно и в огромном количестве.

Следом идет метафорическая перифраза, при которой прямое название предмета соседствует с его иносказательным описанием или заменяется им. Пример из Василия Валентина: «Истинный философ должен точно знать центр каждой материи, который должен оставаться неизменным в каждой сущности. А иначе он может превращать сущность как пожелает и сделать отсюда разнообразные вид и форму, а затем сверху изливать им их силу и достоинство»¹⁵. О чем это?

Надо понимать, что это втягивает нас вовнутрь происходящего. Потому ранее и говорилось, что чтение алхимических текстов требует не только определенной духовной, но и ментальной работы. Читатель все время должен присутствовать внутри происходящего. А у Валентина в этом отрывке еще присутствует и троп «ирония», со словом «иначе». Он говорит, что если бы мы знали центр материи, то мы могли бы сами, как Господь Бог, воздействовать на эту материю и превращать ее во что угодно. Алхимики постоянно подтрунивают над читателем, испытывают его.

Теперь перейдем к *топосам* – устойчивым клише и выражениям, которые своим формальным характером подчеркивают вневременной, неличностный характер излагаемого материала. В трактатах топос может быть в виде образа, мотива, метафоры, символа, аллегории, но сам по себе никогда им не тождественен. В самих трактатах топосы выглядят как известные и популярные выражения, например: «как вверху, так и внизу», «растворять и сгущать». Поскольку не указывается, что именно нужно «растворять и сгущать», то получается, что «растворять и сгущать» нужно весь мир.

Далее идет *аллегория*. Слово «аллегория» происходит от греческих слов «иной» (allos) и «говорю» (agogeuo). Аллегория – это иносказание, т.е. это высказывание, буквальный смысл которого указывает на иной, скрытый смысл. В некоторых алхимических трактатах используются истории римских или греческих богов, когда зачатие бога происходит путем оплодотворения девственницы (Даная осыпана золотом). Или когда перечисляются подвиги героя. Это все аллегии, иносказания алхимических практик. Об этом Е. Головиным написана целая книга под названием «Веселая наука», где изложен огромный пласт герметических аллегорий.

Все символические формы в целом в алхимических трактатов оформлены в виде игры. Читатель помещается в ситуацию неопределенности, ситуацию лабиринта. Но неизменно поддерживается такой настрой, чтобы читатель не терял надежды, что придет к финишу с победой.

В создании игровой ситуации используются приемы имитация и комбинирование. Имитация выражается в том, что читателю внешне предлагается стройное и последовательное изложение, а на самом деле он помещается в лабиринт. Присутствует и имитация смысла, когда происходит проверка читателя на понимание материала. Например, из всех 157 «канонов» Гельмонта два «канона» являются ложными.

¹⁴ Василий Валентин. Алхимические трактаты. С. 426.

¹⁵ Там же. С. 133.

Комбинирование – создание из отдельных частей чего-то нового. Если имитация несет в себе конструктивное начало, то комбинаторность содержит в себе выраженный деконструктивный момент. Для этого используются скрытые аллюзии, неочевидные возможности прочтения, ложные ходы, прием «помещения в бездну». Используется и введение метатекста в виде предисловия, проблематизирующего смысл основного текста. Например, издание Василия Валентина 1717 года имеет несколько предисловий, одно из которых, «Новое предисловие», написано в стиле «барона Мюнхгаузена» и включает все новоевропейские слухи о приключениях алхимиков, при этом автор не высказывает своей позиции по данному вопросу.

Игра алхимического трактата происходит не в плоском лабиринте, а голографическом, для чего используется прием полифонии. Все звучит одновременно, все одновременно имеет смысл на разных «этажах». Если у читателя нет целокупного восприятия, то понять ему все это очень сложно. И здесь помогает техника алхимического воображения: если читатель там присутствует, пытается увидеть происходящее, то со временем у него происходит настройка на видение этого происходящего.

Я убеждена, что весь этот комплекс приемов, используемых в алхимических трактатах направлен не на то, чтобы оттолкнуть, обмануть или не дать проникнуть за закрытую дверь, а, наоборот – на развитие у читателя способности алхимического воображения. И здесь требуются не только какие-то способности, но главное – упорство.

В конце своего доклада я бы хотела вернуться к «157 Алхимическим канонам» Ф. М. Ван Гельмонта-младшего. Как уже говорилось, они были изданы на латинском языке в 1687 г. в Амстердаме вместе с «153 алхимическими афоризмами», а в следующем году переизданы в Лондоне. Тот факт, что они были переизданы в Англии, где много времени провел сам Гельмонт, живший в замке Рагли у Анн Конвэй, хорошо знавший английский язык и возможно собственноручно сделавший перевод своих «Канонов» и «Афоризмов», послужил причиной того, что именно они были взяты мной для анализа текста и подготовки диссертации.

Голографический мир алхимического трактата настолько запутан, что начинать работу с ним было весьма сложно. Здесь же удобным оказалось то, что каждый канон представляет собой один пронумерованный посыл, представляет собой единицу, с которой можно работать. К тому же выделение канона в качестве смысловой единицы позволяет произвести подборку к нему отрывков, цитат из других трактатов, которые бы раскрывали его содержание. Это расширяет взгляд на отдельный канон. И это было привлекательной стороной в моей работе над алхимическими текстами.

Сама работа шла в четыре этапа.

Первый этап заключался в переводе каждого канона с герметического «языка птиц» на общедоступный язык путем подбора цитат из других произведений. И в данном случае, чем шире был спектр разновременных авторов, тем лучше.

Второй этап заключался в «разрезании», разделении полученного в результате первого этапа полотна на отдельные части. Это похоже на то, как поступил со своим первоначальным текстом сам Франциск Меркурий Ван Гельмонт.

А затем началась уже сама работа по интерпретации. И началась она с постановки вопросов, которые уже были здесь озвучены (предмет, действующая сила, цель и этапы). Далее, по каждому вопросу производился подбор фрагментов текста с объяснениями, а затем их сбор вокруг основных идей.

Когда такая работа была проделана, оказалось, что полученный материал скомпанован по образцу четырех аристотелевских причин вещей: материальная причина, формальная причина (эйдетическая), действующая причина (движущая) и определение целесообразности (конечная цель). И тогда мои послышки стали как бы фиксироваться, укрепляться. После чего передо мной встал вопрос: а другие

алхимические трактаты построены по такому же принципу, или нет?

Для ответа на него и сравнения были взяты алхимические тексты Альберта Великого, Фомы Аквинского, и – Веллинга, Василия Валентина. Оказалось, что все они созданы по одному и тому же принципу.

После этого потребовалась внимательная проверка уже своего изложения канонов для того, чтобы их новый порядок представлял собой внутренне непротиворечивую цепочку, чтобы сформировался некий нарратив. Для этого я сделала синопсис – вычлененные смыслы были составлены в последовательные фразы, которые оформлялись в отдельные абзацы. Если, к примеру, речь идет о ртути, то составлялся синопсис о ртути.

В итоге получились четыре раздела, представляющих собой список тем, затрагиваемых «157 Алхимическими канонами» Ван Гельмонта:

- 1) о Ртути;
- 2) о телах совершенных и несовершенных, в т. ч.:
 - как происходит «Великое Делание»,
 - стадии «Великого Делания»;
- 3) философский камень - цель «Великого Делания»;
- 4) приемы «Великого Делания» и «советы мастера».

Вопросы и ответы

Вопрос:

Каков все-таки в самом кратком виде принцип построения текстов, каковы этапы?

Ответ:

Во-первых, надо было понять, что вместо музыки, к которой мы стремимся, мы сначала получаем сумбур. Поэтому каждый из канонов мы объясняем по знаменитой алхимической максиме («трактат объясняет трактат»), подбираем к ключевым словам «Канона» цитаты из трактатов других авторов. И чем больше

таких цитат, тем нагляднее. При этом нельзя уходить в сторону и включать, то, что не относится к сути («не вчитывать»). Надо исходить из текста, символ объясняет символ.

Вопрос:

Но ведь привлекая другие тексты, вы сами выходите из текста. Разве нет?

Ответ:

Поскольку это алхимическая максима, то, как я понимаю, алхимики так и работали с текстами друг друга. Один текст никогда ничего не объясняет, необходимо обращаться и к другим текстам. Но мы это все формализовали, подошли к этому как в комбинаторике. И создали «систему комментирования». После этого мы разрезали и самим себе задали вопросы – что бы мы хотели понять? А хотели мы понять вот что: с чем работает алхимия, что является агентом алхимии, к чему она стремится, какие этапы праксиса.

Вопрос:

Такое впечатление, что вы работаете с текстом так же, как работали алхимики с веществом?

Ответ:

Грош цена интерпретатору, который не начинает мыслить как алхимик. Не входя в состояние алхимического воображения, проникнуть в суть проблемы невозможно.

Вопрос:

Можно сказать, что полифония смыслов, которую можно наблюдать в алхимических текстах, рождает определенное разнообразие форм языка, в которых они написаны?

Ответ:

Я думаю, что разнообразие форм языка возникает из-за того, что не было сообщества. Если бы было сообщество (подобное, научному), то оно все равно в какой-то момент формализовало бы и требовало определенного следования каким-то инструкциям. А поскольку алхимики существовали, как правило, разрозненно, то каждый из них выражал свое видение в меру своего понимания, своего творческого потенциала.

Вопрос:

Вы пытаетесь это выражение систематизировать, обобщить, проанализировать. Если мы пока не выходим за рамки текста, не выходим на само делание, на саму суть, то, что тогда было источником всего этого – определенная игра, алхимическая процедура?

Когда мы говорим о тексте, это означает, что до нас дошло непосредственное знание. Текст имеет несколько уровней. Символический уровень начинает рядиться в разные одежды. И если мы говорим о порождающей вторичную форму (язык передачи, ретрансляции), что многие алхимики заимствовали друг у друга, в том числе заимствовали и рецепты, даже иногда заимствовали и формы выражения, формы шифровки. Но внутри стоит более глубинный уровень, которого вы и коснулись. Или же есть еще что-то более глубинное? Как это можно определить? Вы говорили об алхимическом воображении.

Ответ:

В воображении мы идем за символом, мы его раскрываем. И символ начинает с нами говорить.

Вопрос:

Что первично – символ или воображение, которое символ инициирует?

Ответ:

Первичен смысл, зафиксированный в символе.

Вопрос:

А чем можно достать смысл? Воображением?

Ответ:

Воображением.

Вопрос:

И только?

Ответ:

Да.

Вопрос:

А чем тогда является «алхимическое делание», которое может быть выражено в самом вульгарном процессе, например, процессе получения из свинца золота, или в самом высоком процессе духовной алхимии?

Ответ:

Духовная алхимия никакого отношения к химии не имеет.

Вопрос:

Вы уверены?

Ответ:

Да, я в этом уверена. Потому что я знаю, что на самом деле является агентом.

Вопрос:

Вы можете на ином языке сказать, что собой представляет «духовная алхимия»?

Ответ:

Теургию.

Вопрос:

А как же внутренняя работа?

Ответ:

А о том, что происходит внутри, ни один трактат не пишет. И не пишет потому, что нужно развивать *видение* – алхимическое воображение, а не визуализацию, которую предлагал Юнг (активное воображение). Вы нигде не найдете описания того, что реально происходит внутри, кроме гниения, отслоения и т. п.

Вопрос:

А вы видите какие-нибудь аналогии «духовной алхимии», конечно, насколько к ним можно приблизиться, учитывая, что вы сейчас сказали? Может, есть аналогия с каким-то из видов высшей йоги?

Ответ:

С пранаямой. Хотя очень многие со мной спорят, но на самом деле пранаяма – это и есть теургия, выраженная просто в других словах, терминах и т. д.

Вопрос:

Пранаяма как таковая – это еще не йога.

Ответ:

Эта практика и есть теургический способ.

Вопрос:

Но он используется в разных йогах. А можно ли назвать какую-то из высших йог, где есть приближение ко всему комплексу внутренней «духовной алхимии»?

Ответ:

В том все и дело, что вы говорите о внутренней «духовной алхимии», а я говорю, что алхимики не описывали внутренние процессы. Они отправляли человека в исследовательское плавание через воображение, но не навязывали им практику. Когда ты открываешься теургии, то процесс реально никому невидим (что происходит, с чем идет работа), в том числе его не видят ни сторонние наблюдатели, ни ты сам. И это правда.

Вопрос:

Тогда возникает некоторый парадокс: с одной стороны, это не открывает внутреннее, с другой стороны, это не открывает внешнее, потому что это не работа с веществом?

Ответ:

Они говорят о «небе философов».

Вопрос:

Но это не комментарии внутренних процессов.

Ответ:

«Небо философов» – это внешнее поступление эманаций. И они как раз об этом и говорят. Это теургия.

Все стадии алхимического процесса, о которых мы говорим (я их все восстановила, как они должны происходить), на самом деле являются расширенной инвокацией и более ничем. Я тоже считала, что должны быть указания, я билась над этим, но их нет. А потом я поняла, что алхимики настолько демократичны в своем взгляде, что они не навязывают ничего, кроме объяснения существа этого процесса.

Вопрос:

Вы говорите о строгости алхимического языка. А это предполагает какую-то

«обозначательность» всего этого?

Ответ:

Конечно, ртуть бывает вульгарная, совершенная, несовершенная, любая. Это тоже нужно понимать. Иерархическая структура действительно жесткая. И вульгарная не может быть равна совершенной или несовершенной.

Вопрос:

Но если речь действительно идет о внутренних процессах, а не о внешних, тогда могли бы вы эти 12, 7, 3 ступени сопоставить с какими-то этапами духовной лестницы? Что происходит в человеке? Что значат «нигрето», «рубедо», «альбедо»? Какой это этап?

Ответ:

Говоря совершенно примитивно, после того как человек призывает, производит инвокацию, после этого происходит знаменитая «варка», что-то варится. И через некоторое время наступает стадия нигрето. «Варка» – это работа эманаций с душой человека. И начинает отмирать все лишнее, ненужное для духовной жизни, человек очищается. Это длится очень долго, пока все ненужное не отомрет окончательно. И тогда человека можно считать инициированным, прошедшим определенный этап. Он становится луной или серебром, и наступает стадия альбедо. И в этой стадии он должен какое-то время просуществовать, отработать, чтобы состояние серебра полностью стало пережитым. Потом человек переходит уже на следующую стадию.

Вопрос:

Но серебро тоже бывает разное: живое, летучее...

Ответ:

Нет, здесь мы как раз имеем дело с иносказанием о ртути. «Живое серебро» – это ртуть, это душа человека и т. д. Продолжая, скажу, что потом наступает стадия рубедо, когда человек уже может, например, проникать в другие тела, посвящать, передавать им навык теургии. И все начинается снова. В «Канонах» написано, что когда человек находится в стадии альбедо, он не имеет права ничего передавать.

Вопрос:

Возможно, что это хорошо согласуется с фон Дорном, может, с поздней алхимией частично. Но как вы это свяжете это с ранней алхимией?

Ответ:

Все - то же самое. Клод д'Иже правильно пишет, что все алхимики писали об одном и том же процессе, об одних и тех же результатах и целях. Он совершенно прав, потому что сначала я работала с поздней алхимией, а потом уже взяла Альберта Великого и обнаружила, что там все то же самое.

Вопрос:

Никто иной, как Гельмонт говорит о случае, когда к нему явился некий незнакомец...

Ответ:

Это говорил старший Гельмонт – знаменитый химик Жан Батист.

Вопрос:

Тем не менее, были люди, которые ...

Ответ:

Это метафора, это описание того, как он получил посвящение, теургические практики. За этим больше ничего не стоит.

Вопрос:

А вы знакомы с трактатом Авраама Еврея Елеазара?

Ответ:

Да. Это 1760 год.

Вопрос:

Какой из тех видов языковых форм, которые вы анализировали, больше других

присутствует в этом трактате?

Ответ:

Как и везде, там тоже смесь и доминанты нет. Если бы разбор лексических особенностей делал филолог, то может быть, он и нашел бы доминанту. Но я этим не занималась. Я занималась способами «вталкивания» человека в это состояние.

«Трактат Авраама Еврея» – это сборник, в конце которого, например, помещен несколько переиначенный текст «Алхимических канонов» Ван Гельмонта. Только Ван Гельмонт был каббалистом и создал 157 канонов, а тот, кто издавал «Авраама Еврея» – им не был и поместил 156.

Вопрос:

Тот, кто это сделал, не был каббалистом?

Это сделал Николя Фламель? Ведь Авраам Еврей получил текст Фламеля.

Ответ:

Нет, это же разные времена. Ряд исследователей считают, что это просто обманка. И даже при чтении чувствуется, что это не архаика. И у Василия Валентина при внимательном прочтении видно, что это сборник текстов разного времени.

Вопрос:

Вы считаете, что архаика – это когда манускрипт написан на коре...?

Ответ:

Нет, архаику подсказывает стилистика. Трактат, на который ссылается Фламель, один, а сам сборник Авраама Еврея – большой.

Вопрос:

Из других источников известно, что этот трактат доставал не только Фламель...

Ответ:

Как практик я попробовала первое из предложенных у Авраама Елиазара упражнений. Это очень сильное упражнение и оно чистит почки. Ко второму упражнению я подойти не решаюсь. Превращения происходят реально.

Вопрос:

А еще какие-то рецепты вы пробовали на практике?

Ответ:

Я начала заниматься алхимией с «Таинства воссоединения» Юнга, в котором он много цитирует Дорна. По Дорну я и стала заниматься. И алхимией я занимаюсь с 2006 года.

Вопрос:

Предлагаю вернуться к нашему дискурсу и попробовать разобраться с вопросом об аудитории, на которую это все рассчитано, потому что вы сказали об отсутствии научного сообщества, которое могло бы унифицировать этот дискурс, говорили, что это все рассчитано на каких-то учеников, над которыми потом начинают еще и подшучивать. Я пытаюсь восстановить историческую действительность, европейскую культуру, где все это формировалось. Зачем нужны такие тексты? Если сравнивать их со всеми другими, даже с оккультными текстами или с магическими, астрологическими, розенкрейцерскими или какими угодно, то там более или менее все прозрачно. Там тоже есть глубина, метафизика. А здесь, в этих текстах все перекручено. Это можно понять в том случае, если этот дискурс находился под каким-то негласным запретом, против Церкви, когда алхимики старались передать определенную информацию вот такими непонятными путями. Либо второй вариант, который гораздо прозаичнее, и от которого вы старательно уходите: хотя бы первоначально, но это была конкретная работа по производству золота. Производство золота – это прерогатива государства, это страшная тайна, а тут какие-то частные люди пытаются что-то делать. Все это уходит еще в античные времена, к Клеопатре. Проходит полторы тысячи лет работы с веществом, прежде чем возникает дискурс о духовном делании. И это очень логично. А то, что вы говорите, кажется очень

странным. Если это действительно был призыв к духовной деятельности, то зачем так камуфлировать? В теургии, на которую вы ссылаетесь, а это Ямвлих и др., все очень прозрачно.

Ответ:

Я считаю, что у Ямвлиха ничего прозрачного нет. Это герметический текст. И у меня в диссертации есть 12 пунктов доказательства того, что алхимия базируется на теургии. Я смогла это сделать только через Ямвлиха, занимаясь им и комментариями к нему Лосева. И когда я закончила эту работу, я поняла, что Ямвлих написал герметический текст. Разве вы найдете там этапы вызывания? Ничего там нет. Это как бы рассуждения. А на самом деле он излагает 12 пунктов, особенностей, которые отличают теургию от любой другой магии.

Вопрос:

Но там хотя бы на самом поверхностном уровне можно прочитать и понять. А если взять любой алхимический текст, то мы начинаем спотыкаться на первых же строках. Берем «Изумрудную скрижаль» и на первых строках мы куда-то «плывем».

Ответ:

Возьмем «Алхимическую мессу» Мельхиора Цибиненского, где он раскрывает таинство Евхаристии. Вы спрашиваете: «Кому это надо?» Это же страшная теургическая тайна, на самом деле. Получается, что если теургическая практика станет доступна широкой публике, то Евхаристия будет проходить не в алтаре с помпой и страшной тайной, а будет происходить в каждой семье? Т. е. каждый будет наделен «божественными регалиями», будет у себя иметь кусочек Бога? Человек тогда становится неуправляемой *самодельной* личностью.

Вопрос:

Т. е. здесь имеет место страх перед преследованиями?

Ответ:

Да, церковь за это преследовала.

Вопрос:

Но ведь и в XVIII веке, когда активные преследования со стороны церкви прекратились, характер алхимических текстов остался.

Ответ:

К XVIII веку новоевропейские ученые уже объяснили, что все это «обман». А подтолкнуло их к этому - желание понять, что же действует в алхимических реакциях. Тогда и пошла целая цепочка исследований. И мы до сих пор не можем, с физической точки зрения, выяснить этого досконально, а уж они тем более. Ученым было выгодно все опорочить.

Вопрос:

Тогда при вашем подходе нужно перестраивать весь словарь. Если мы говорим «раскали короля», то, условно говоря, нужно понимать – «поработай с почкой». В алхимических текстах огромное количество терминов. И все они должны иметь соответствие с нашим психофизическим аппаратом, чтобы понимать, что относится к глазам, рукам, духовным делам.

Ответ:

Я составляю такой глоссарий. Но еще раз повторяю, что внутренние процессы в текстах не описаны.

Вопрос:

Позвольте, с точки зрения субъекта, кое-что прояснить. У меня ощущение «нигрето». Вы задали эту атмосферу, а я никак не могу из нее выйти. В этой культурной истории существуют не только внешние процессы, которые зашли в тупик и довели ситуацию до попытки ее разрешать «нижним» языком. Юнг, аналитическая и глубинная психология, а еще глубже – архетипическая психология, которая видна в работах Хиллмана и его последователей, имеют некоторую логику. Сопрягали ли вы ту

логику, к которой я пытаюсь, через ваш доклад, пробраться, и попадаю как раз в «нигрето», с архитепической психологией? Знакомы ли Вам работы по алхимии Хиллмана, Марии фон Франц и более ранние?

Ответ:

Работы фон Франц мне незнакомы, а работы Хиллмана я читала.

Вопрос:

Я просто хочу внести некоторую логику, которая будет корреспондировать с тем, что вы говорите. В психологии у Юнга и сейчас базовым принципом является образ. Образ – это психическое, психическое – это образ (дорога с двусторонним движением). Вы упоминали о визуализации и об активном воображении. Но, с точки зрения глубинной психологии, визуализация и активное воображение – вещи разные. Если подойти с точки зрения ритуалистики, то алхимические процессы, как и прочие процессы в эзотерическом мире, подчиняются некоторой логике, которая сегодня позволяет достаточно ясно размышлять по поводу различных культурных опытов в разных эзотерических направлениях, а именно – в инвокации. Но перед этим всегда есть общий принцип – сепарация. А еще есть очищение, некая подготовка алхимика, любого адепта. После подготовки идет инвокация, т. е. призывание той энергии, с которой адепт будет работать. Потом идет следующий этап – идентификация, т. е. адепту необходимо произвести максимальное сопряжение с этой энергией через молитву, через делание. А затем идет трансформация, которая делает адепта иным и позволяет ему возвратиться в предыдущее состояние. Последний этап, после идентификации и отождествления – возвращение обновленным в свое прежнее состояние. Отождествление происходит с инактивным агентом через энергию, условно говоря, через призывание философского камня, если говорить об алхимическом тексте, и через мостикообразующие процедуры, в которых он себя полагает ложно или не ложно (мы сейчас говорим с точки зрения психологии). Адепт полагает, что это произошло. Психологически все состоялось. И если взять этот контекст, этот мир, и попробовать посмотреть, что происходит сейчас, то, во-первых, будет яростная попытка с академической стороны и с эзотерической стороны найти общий язык. В виде гипотезы можно утверждать, что попытка создания такого языка среди других разрабатывается в архетипической психологии, ведь не случайно Хиллман очень много занимался алхимией. Это буферный язык, и вы его фактически назвали. Вы говорили о риторике, о риторической стороне языка. И дальнейшее инвокативное развитие языка через метафору и через другие тропы позволяет выработать промежуточный медиативный язык между внешним академическим и внутренним эзотерическим. Раньше потребность в этом по идеологическим причинам запрещалась, включались различные психические процессы в виде гордыни, в виде персонообразующих факторов. Сейчас академическую науку щелкнули по носу. Это хорошо, поскольку и там и там есть достоинства, и мы не можем забывать о культурном опыте и том богатстве, которое приобретено в алхимическом искусстве. Сегодня стоит задача разработки отвечающего современности адекватного языка, не модернизировать его, не психологизировать, не свести его к рецептурности, не поддаться искушению метафизического воздействия. Как выработать ту герменевтику, которая бы позволила бы внести ясность? Возможно, что в вашем исследовании есть такое начало.

Ответ:

Конечно, это только начало.